УДК 82.09
DOI: 10.26456/vtfilol/2026.3.013

СКУЧНОЕ ЧТЕНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. М. Красоткин

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье предпринимается попытка определить феномен скучного чтения. Во-первых, дать определение самому этому явлению, где скука рассматривается в оппозиции интересу. А во-вторых, обозначить основные механизмы скуки в художественном тексте. Обозначенная проблема рассматривается сквозь призму формальной, структуралистской и постструктуралистской методологий.

Ключевые слова: *скука, чтение, смысл, остранение, интерес, эстетика тождества, эстетика противопоставления, удовольствие от текста.*

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, сложна, как минимум, по двум причинам. Первая причина – это проблема чтения. Перед тем, как приписывать чтению какие-либо определения (веселое, интересное, скучное т.п.), необходимо понять, с чем мы имеем дело.

В филологии, как ни странно, сложилась ситуация, при которой чтение как процесс выносится за рамки. В. А. Миловидов отмечает, что «в 60–70-е годы структурализм сконструировал свою, сциенцистскую в основе, метафору: текст как самодостаточный субъект коммуникации, существующий в культуре независимо от человека, текст как ‘‘самость’’» [8, с. 10]. Действительно, если посмотреть на историю структурализма в любых его изводах, то можно увидеть эту жесткую привязку к тексту, где текст нечто значит помимо автора и читателя. Движение исследователей в сторону постструктурализма заставило учитывать субъектов коммуникации, где текст лишь материальное воплощение некоторого содержания, которое еще надо воспринять. Исследования рецепции в свою очередь возвысили фигуру читателя в том или ином виде, показав, что путь к тексту можно проложить только через восприятие, через процесс чтения. Однако движение в сторону читателя отнюдь не означает движение в сторону изучения процесса чтения. А. Компаньон показывает, что вынесение чтения за скобки связано со стремлением теории к универсальности, в то время как чтение уникально: «реальным чтением пренебрегают в пользу теории чтения, то есть характеристики того компетентного, идеального читателя, которого требует текст и который соответствует ожиданиям текста» [6, с. 168]. Эмпирический же читатель неизбежно привносит шумы и помехи в коммуникацию, которые воспринимаются не иначе

© Красоткин Д. М., 2026

как ошибки и непонимание. В такой теории нет места коммуникативным неудачам.

Реальный же процесс чтения непременно сопровождается непониманием, пропусками, забыванием, рассеиванием внимания и т. д. Как отмечает Компаньон: «Опыт чтения, как и любой человеческий опыт, неизбежно является двойственным, неоднозначным, нецельным» [Там же, с. 192]. Опыт чтения – слишком неопределенное явление для того, чтобы его можно было сделать полноценным объектом исследования. Оно не выражено в знаках, оно не является интерпретацией. Оно пролегает между читателем и текстом.

Вторая причина сложности поставленного вопроса – проблема скуки и собственно скучного чтения. А. К. Жолковский в своей виньетке «Спать над книгой», рассуждая о характеристиках скучного текста сразу отмечает, что они субъективны и относительны: «Так, Мандельштама гомеровский список кораблей явно занимает и потому от бессонницы не спасает. Ну а кого попроще, не столь зацикленного на античности, может, и спасет. (Да и сам-то О. М. – неясно, не заснет ли, продвинувшись за середину списка.)» [5]. Субъективность самого критерия скучности, не позволит исследователю дать на этот вопрос однозначный и исчерпывающий ответ. В принципе на этом можно было бы и остановиться, однако попытаемся все же выявить некоторые инварианты скучного чтения.

Прежде всего обратим внимание, что само определение «скучный текст» может быть понято двояко. С одной стороны, эпитет «скучный» может являться вполне определенной интерпретацией текста после его прочтения, с другой стороны, определение «скучный» может описывать сам процесс чтения текста. Иначе говоря, «скучный» может характеризовать как процесс, так и результат чтения. Причем не всегда эти характеристики могут быть комплементарными. Например, читатель может охарактеризовать рядовой детектив как скучный, имея в виду, что он прочитал еще один шаблонный текст, ничем его не удививший, при этом в процессе чтения он мог быть вполне им увлечен. В то же время очевидно, что редкий читатель скажет, что роман Л. Н. Толстого «Война и мир» – скучный текст, но также очевидно, что у многих в процессе чтения возникало желание пролистать те или иные страницы.

Если рассматривать скуку как состояние психики, то в самом общем виде можно сказать, что это «сложное, неоднородное психическое состояние, развивающееся в связи с дефицитом внешней и внутренней активности, субъективное переживание которого связано с личностными особенностями и условиями жизненной ситуации» [9, с. 10]. Скука как психическое состояние характеризуется снижение человеческой активности и отсутствием интереса. Особо обратим внимание на противопоставление скуки и интереса, то есть скучное и интересное можно

рассматривать как устойчивую оппозицию. Интересное в свою очередь связано с актуализацией. Последняя позволяет привлекать и удерживать внимание читателя на том или ином фрагменте текста или на всем тексте. Это хорошо видно на экспериментальных текстах, которые представляют собой предельную ситуацию. «Дыр бул щыл» А. Крученых покажется скучным текстом для читателя, который не сможет его актуализировать, в конечном счете он будет воспринят как бессмысленный. А чем иначе является скука, если не отсутствием смысла?

В плане актуализации в литературоведении и смежных областях достаточно наработок. Чтение как понимание, как писал Л. Витгенштейн, не является «душевным процессом», а представляет собой «действие по правилу» [3, с. 141]. В этом смысле Л. Фуксон отмечает, что «одно из фундаментальных положений современной герменевтики состоит в том, что понимание укоренено в предшествующем опыте, никогда не начинаясь, ‘‘с нуля’’» [10, с. 5]. Предпонимание всегда предшествует пониманию, тем самым составляет базу для актуализации текста. Чем больше контекст для актуализации, тем интереснее будет для читателя текст, и наоборот. Возвращаясь к рассуждениям Жолковского про относительность скуки, можно выделить следующий пассаж об известном списке кораблей: «А древние греки небось вообще слушали этот список во все уши – ведь речь шла об их земляках, родичах, соседях, и было любопытно, чьи корабли и в каком порядке упомянут, а чьи нет. Так мы сегодня читаем список литературы в новой книге коллеги – беспокоимся, попали ли в него наши сочинения на тему» [5]. Интересно читать текст, который касается лично тебя если не в буквальном, то хотя бы фигуральном смысле.

Конечно, интерес и скуку нельзя банально свести к актуализации и ее отсутствию, поскольку каждый читатель может привести случай, когда контекста для актуализации текста у него было вполне достаточно, однако это не делало текст более интересным. Текст, который в большой степени отвечает ожиданиям читателя, может казаться не менее скучным, чем текст, который не отвечает никаким читательским ожиданиям. И. Бродский в своей известной речи «Похвала скуке» отмечает, что «скука – сложное явление и, в общем и целом, продукт повторения» [2, с. 9]. Получается, что интерес пролегает где-то между известным и неизвестным, близким и неблизким, своим и чужим. Об этой проблеме, но в иных терминах, пишет В.Б. Шкловский в программной статье «Искусство как прием». Шкловский рассуждает о противопоставлении узнавания и видения, которые суть два главных эффекта, которые призвано порождать искусство: «Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим» [11, с. 15]. И далее: «Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является при-

ем „остранения“ вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно» [Там же]. Это вполне соотносится со сказанным выше. Актуализация строится на узнавании, в то время как остранение – на видении. Любой текст и, что важно, любой опыт чтения строится на сложной диалектике этих двух категорий. Скука в таком случае является результатом нарушения баланса между первым и вторым.

Это же можно соотнести с понятиями «эстетики тождества» и «эстетики противопоставления», которые ввел Ю.М. Лотман для описания типов соотношения текстовых и внетекстовых структур (попытка Лотмана выйти за пределы герметичности структурного подхода). Эстетика тождества «основывается на полном отождествлении изображаемых явлений жизни с уже известными аудитории и вошедшими в систему правил моделями-штампами» [7, с. 350]. Эстетика противопоставления же основывается на том, что «привычным для читателя способам моделирования действительности художник противопоставляет свое, оригинальное решение, которое он считает более истинным» [Там же, с. 353]. В случае с первым типом текстов художественное познание происходит посредством упрощения, а в случае со вторым типом – посредством усложнения. Очевидно, что интерес к чтению удерживается в ситуации, когда читатель находит баланс между упрощением и усложнением, между новым и старым. Для каждого читателя, для каждого текста, для каждой ситуации чтения этот баланс будет разным. Любое отклонение в этом соотношении может привести читателя в состояние скуки и фрустрации. Лотман при этом отмечает, что оба типа обозначенных им эстетик тесно связаны между собой, ибо «чтобы существовало отождествление, необходимо и разнообразие» [Там же, с. 351], и наоборот. Узнавание и видение взаимообуславливают друг друга, а потому ни то, ни другое не дает гарантий спасения от скуки.

М.Н. Эпштейн, размышляя над феноменом интересного, пишет следующее: «Интересность – это соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе – вероятность доказуемого» [12, с. 89]. Не будем спорить о точности тех метафор, которые подбирает Эпштейн. Отметим лишь, что важным качеством интересного он считает его расположение между двумя крайностями. «В человеке всегда есть расхождение между актуальным и потенциальным, между тем, что он есть, и тем, чем он может быть. Человека интересует то, в чем он узнает возможность для себя быть иным, оставаясь собой» [Там же, с. 95]. Но здесь же в размышлениях Эпштейна обнаруживается и принципиальное отличие интересного и скучного:

«Часто приходится жертвовать интересом отдельного пассажа, чтобы создать некую инерцию ожидания и подтолкнуть интерес к последующему неожиданному развитию (мысли или действия). Интерес книги может выявиться лишь в объеме ее целого, от первого до последнего слова, и может падать и подниматься на ее протяжении, достигая высшего напряжения в конце» [Там же, с. 94]. Категория интересного в первую очередь соотносится Эпштейном со смысловым целым. В этом понимании она может быть противопоставлена скуке именно в качестве результирующей чтения (скучная книга *vs* интересная книга).

Скучное чтение же как процесс скорее следует соотнести с понятием Р. Барта «удовольствие от текста». С одной стороны, Барт в своей манере высказывает примерно те же мысли, что и Эпштейн: «Очерчиваются как бы два противоположных края: первый – это воплощение благоразумия, конформности, плагиата (здесь слепо копируется каноническая форма языка – та, которая закрепляется школой, языковым обычаем, литературой, культурой); второй же край подвижен, неустойчив (способен принять любые очертания); это место, где всякий раз можно подсмотреть одно и то же – смерть языка» [1, с. 465]. С другой стороны, в категории «удовольствия» подчеркивается и важное отличие от просто интереса. Интерес суть некоторая наличествующая величина, а вот удовольствие всегда неопределенно. Читатель никогда не испытывает его полностью. Удовольствие порождается желанием читателя завладеть текстом, оно всегда нецелостно. Удовольствие – это бесконечное отсрачивание. Удовольствие, как пишет Барт, принимает «форму обыкновенного дрейфа» [Там же, с. 475].

Но далее удовольствие как бы раздваивается. Барт пишет о двух типах: собственно удовольствии от чтения и наслаждении от чтения. Оба типа восходят к лакановскому психоанализу. Вот как Барт их разделяет: «Текст-удовольствие – это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с ней и связан с практикой комфортабельного чтения. Текст-наслаждение – это текст, вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком» [Там же, с. 471]. Отсюда выделяется два типа чтения: «первый напрямик ведет меня через кульминационные моменты интриги; этот способ учитывает лишь протяженность текста и не обращает никакого внимания на функционирование самого языка <…> при втором же способе чтения я не пропускаю ничего; такое чтение побуждает смаковать каждое слово, как бы льнуть, приникать к тексту» [Там же, с. 469–470]. То есть удовольствие действует по определенным правилам: например, прием «повествовательной задержки» – все удовольствие сводится к нетерпеливому желанию узнать,

чем кончится рассказываемая история. Барт пишет: «Попробуйте читать роман Золя медленно, подряд – и книга выпадет у вас из рук» [Там же, с. 470]. Можно вспомнить в этой связи П. Валери, который подмечал, что в классическом повествовании можно найти множество страниц, означающих лишь одно: «Я – страница литературы» (цит. по: [4, с. 194]).

Наслаждение же не имеет никаких заранее установленных правил. Иначе говоря, наслаждение не является приемом, оно захватывает читателя внезапно, и как бы замедляет, стопорит процесс чтения и не дает продвинуться дальше определенной фразы: «попробуйте читать быстро, отрывочно текст современный – и он тут же ощетинится, откажется доставлять вам удовольствие; вы ждете, чтобы что-то произошло, а не происходит ровным счетом ничего» [1, с. 470]. В этом смысле Барт практически отождествляет скуку и наслаждение, поскольку грань между ними очень тонка. Читатель не может испытать наслаждение, следуя какому-то правилу, такого правила просто нет, наслаждение либо накрывает читателя во время чтения, либо он испытывает тотальную скуку. Потому скука ближе именно понятию наслаждения, ибо скука также не функционирует согласно какому-то правилу. Она скорее дефект чтения, читательская погрешность. В то же время формирование у читателя желания скорее разгадать повествовательную тайну в классическом романе XIX века побочным образом создает в тексте наличие «скучных мест»: «отнюдь не все подряд в произведениях мы читаем с одинаковым вниманием; напротив, возникает некий свободный ритм чтения, мало пекущийся о целостности текста; ненасытное желание узнать «что будет дальше» заставляет нас опускать целые куски, перепрыгивая через те из них, которые кажутся «скучными», чтобы поскорее добраться до наиболее захватывающих мест» [Там же, с. 468–469]. Но опять-таки возникновение таких мест в тексте происходит случайно, оно не запрограммировано каким-то повествовательным правилом, «автор не способен предугадать возникновение подобных зазоров, поскольку вовсе не желает писать то, чего не станут читать». Скука в таком случае является обратной стороной правила. Наделяя какие-то эпизоды повествовательным преимуществом, автор тем самым создает потенциал для понижения читательского интереса в отношении иных эпизодов.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы. Москва : Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бродский, И. Похвала скуке // Знамя. 1996. № 4. С. 9–13.
3. Витгенштейн, Л. Философские работы. Ч. 1. Москва : Гнозис, 1994. 612 с.
4. Женетт, Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 1. Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Жолковский, А. К. «Спать над книгой» и другие виньетки с примечаниями // Звезда. 2023. №9. [Текст: электронный] // Звезда. 2023. № 9. URL: https://

zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4627&ysclid=mg6f77g733795270631 (дата обращения: 30.09.2025).
6. Компаньон, А. Демон теории. Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 385 с.
8. Миловидов, В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. Москва: Буки Веди, 2016. 172 с.
9. Посохова, С. Т., Рохина, Е. В. Скука как особое психическое состояние человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2-1. С. 5–13.
10. Фуксон, Л. Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 223 с.
11. Шкловский, В. Б. О теории прозы. Москва: Советский писатель, 1983. 384 с.
12. Эпштейн, М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

BORING READING: TOWARDS A PROBLEM STATEMENT

D. M. Krasotkin

Tver State University, Tver

This article attempts to define the phenomenon of boring reading. First, to define this phenomenon itself, where boredom is considered in opposition to interest. And secondly, to identify the main mechanisms of boredom in a literary text. The problem is considered through the prism of formal, structuralist and post-structuralist methodologies.
Keywords: *boredom, reading, meaning, estrangement, interest, aesthetics of identity, aesthetics of contrast, pleasure from the text.*

Об авторе:

КРАСОТКИН Дмитрий Михайлович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Krasotkin.DM@tversu.ru.

About the author:

KRASOTKIN Dmitry Mikhajlovich – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova str.), e-mail: Krasotkin.DM@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата подписания в печать: 14.09.2026 г.